

УДК 316.4

ББК 60.52

© Гужавина Т.А., Силина Т.А.

ДОВЕРИЕ В СЕТЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ¹

ГУЖАВИНА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tanja_gta@mail.ru

СИЛИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: common@vscc.ac.ru

Рассматривая современное общество как общество сетевого взаимодействия, важно понять, какого типа связи в нем формируются. Анализ сетевого взаимодействия и существующего уровня доверия в сетях позволяет определить преобладающий в том или ином сообществе тип социального капитала. Ученые выделяют два основных типа связей в сетях – «сильные» и «слабые». «Сильные связи» способствуют формированию малого радиуса доверия и социального капитала закрытого типа, в то время как «слабые связи» значительно расширяют радиус доверия и в большей степени соответствуют открытому типу социального капитала. Цель нашего исследования состоит в изучении ситуации в сетевом взаимодействии в региональном сообществе и в определении преобладающего типа связей, установлении их принадлежности к типу социального капитала. Выявление типа социального капитала – это получение информации о ресурсах социума, о том, каким потенциалом он располагает, на что можно опираться в своем развитии. Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о значительном преобладании в региональном социуме «сильных связей», что порождает узкий радиус доверия, а также служит признаком ограниченного социального капитала, формирующегося в сложных экономических условиях и ориентированного на стратегию выживания в условиях, порожденных кризисом. Однако наличие признаков открытого социального

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ грант № 16-03-00188/16.

капитала дает основания сделать вывод о возможностях его развития и расширения через вовлечение жителей региона в участие в деятельности различных общественных структур, что будет способствовать не только укреплению отношений доверия, но и развитию в регионе структур гражданского общества.

Доверие, социальный капитал, сетевое общество, социальные сети, «слабые» и «сильные» связи.

Категория «социальные сети» становится все более популярным термином в исследованиях всех сфер жизни общества [17]. Данное понятие позволяет более эффективно описывать новые социальные реалии, возникающие в потоке социокультурной динамики [2; 3; 8]. В общефилософском толковании под социальной сетью можно понимать множество объектов и отношений между ними, возникающих в процессе взаимодействия. Сети являются очень давней формой организации человеческого сообщества. Дружба, родство и длительное знакомство – три базовые категории для описания социальных сетей и основы доверия.

Внимание к сетям во многом связано с тем фактом, что через призму сетевого видения появилась возможность дать ответы на многие вопросы, порожденные новыми социальными процессами. Изучение сетевого взаимодействия осуществляется в мировой и отечественной науке в рамках различных парадигм, к числу которых относятся структурный функционализм, символический интеракционизм, теории социального обмена, теории информационного общества и ряд других.

В научном дискурсе, во многом благодаря исследованиям М. Кастельса, появилась характеристика современного общества как сетевого, что связано с развитием коммуникационных технологий [13]. Сети представляют собой, по определению М. Кастельса, множество взаимосвязанных узлов, где содержание и значение узла зависит от конкретной сетевой структуры [23]. По его мнению, революционные изменения в информационных

технологиях, в способах выработки, хранения и передачи информации привели к изменениям в социальной и экономической структурах. Это выразилось в замещении вертикально ориентированных институтов горизонтально ориентированными сетями. М. Кастельс полагает, что именно сети составляют социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью [10]. Как и в прежние эпохи, возникновение принципиально новых технологий повлекло за собой изменения в социальной организации. Как считает И.Г. Пригожин, «никто не планировал сетевое общество и взрыв информации; это примечательный случай стихийного возникновения новых форм общества» [15].

Социальные сети являются объектом научного внимания в качестве одного из структурных компонентов социального капитала [21]. Данной точки зрения придерживается большинство исследователей. Так, Р. Патнем, один из создателей теории социального капитала, выделяет социальную сеть в структуре социального капитала наряду с нормами взаимности и доверием [28]. П. Бурдые также отмечает наличие в социальном капитале социальных связей, обеспечивающих доступ к ресурсам [4]. С социальным капиталом связывает «обширные сети добровольных ассоциаций» Р. Инглехарт [27]. Р. Роуз отмечает включенность в социальный капитал формальных и неформальных социальных сетей [19]. В этом вопро-

се с зарубежными авторами солидарны и отечественные исследователи: Е.А. Полищук указывает на социальные сети как на значимый структурный элемент социального капитала [14]; В.Л. Римский считает, что сети отношений представляют собой ту среду, в которой создается социальный капитал [18]; Е.А. Бондарь, опираясь на системный подход, характеризует социальные сети как элемент системы социального капитала [2]. В этом контексте они становятся самостоятельным объектом эмпирического анализа.

Социальные сети являются структурным элементом социального капитала наряду с социальными нормами и доверием. При этом мы не считаем точку зрения ряда авторов, отождествляющих сети и социальный капитал, правомерной, равно как и не сводим социальный капитал к доверию. Социальные сети играют роль каналов взаимодействия, обеспечивают коммуникацию между акторами, составляющими узлы той или иной сети. Основой взаимодействия в рамках сетей выступает доверие. На эту его функцию указывал один из основателей сетевой теории – американский социолог Р.М. Эмерсон, отмечая его роль в обеспечении договорных отношений и партнерских обязательств [25]. Для сетей оно имеет двоякое значение: с одной стороны, является основой возникновения сетевых контактов, с другой – продуктом сетевого взаимодействия. Сети представляют собой канал распространения доверия, в них происходит его накопление, оно выступает главной интегрирующей силой, играющей большое значение в создании стабильности в социуме, в формировании отношений солидарности. Доверие тем более значимо, чем выше социальные риски, которые превратились в неотъемлемую черту современного общества. Доверие создает условия, позволяющие индивидам, включенным

в сети взаимодействия, воспользоваться ресурсами сети, получить поддержку или оказать, в свою очередь, помощь. Акторы в сетевом взаимодействии доверяют друг другу, что дает им возможность создавать различные добровольные ассоциации. Именно доверие позволяет выстраивать взаимодействие на основании взаимно разделяемых ценностей.

Одна из исследовательских задач, решаемых в рамках проекта по изучению состояния социального капитала региона в условиях кризиса, заключается в изучении характера функционирования социальных сетей и выявлении преобладающего их типа, что позволяет сделать оценку преобладающего в сообществе типа социального капитала. В определении типа сети мы опираемся на подход, сформулированный М. Грановеттером, выделившим «сильные» и «слабые» связи внутри сетей [6].

В сетевом взаимодействии «сильные» и «слабые» социальные связи – это разные формы межличностных отношений, выделяемые по критерию частоты и длительности контактов. «Сильные» связи возникают в круге людей, хорошо знающих друг друга, имеющих длительные отношения, что приводит к образованию локальной связи. Но так называемые «сильные связи» ограничивают взаимодействие вне своего круга контактов, контролируют поведение участников, управляют им. Слабые связи играют значимую роль для расширения возможностей взаимодействия участников социальных сетей и для их взаимодействия с другими сетями. С точки зрения М. Грановеттера, внутри социальных сетей «слабые» связи имеют большее значение, чем «сильные» [6], так как через них информация распространяется быстрее и шире. Это утверждение является основополагающим при анализе эмпирических данных в нашем исследовании. Примером «сильных» свя-

зей выступают близкие родственники, друзья, «слабых» – соседи, знакомые, коллеги по работе.

В нашем исследовании доверие является основой измерения связей внутри социальных сетей. И мы имеем в виду не столько «сильные» и «слабые» связи внутри сетей, сколько силу социального сетевого взаимодействия на региональном уровне. Сила связей внутри сетей и между ними напрямую зависит от уровня доверия, как межличностного, так и институционального. Это две неразрывные характеристики, измерение одной невозможно без измерения другой и наоборот. Здесь применимо понятие «радиус доверия» или «круг доверия» в терминах П. Штомпки [24], как совокупность индивидов, которым доверяет отдельный индивид. Фукуяма пишет о том, что при малом радиусе доверие ограничено узким кругом лиц – родственников, близких друзей, большой радиус отражает доверие к людям вообще, не обусловленное личными или родственными связями или различного рода идентичностями [5]. В зависимости от типа связи формируется радиус доверия индивида и группы, членом которой он является. Радиус доверия в пространстве «слабых» связей шире.

В качестве рабочего определения мы использовали трактовку социальных сетей, предложенную отечественными исследователями Е.В. Реутовым, Л.В. Колпиной, М.Н. Реутовой, И.В. Бояриновой: социальные сети – «комплекс относительно стабильных и долговременных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к их участникам функцию наращивания объема личного и социального капитала» [26].

В нашем исследовании подразумевается, что маленький радиус доверия присущ тем людям, которые, собственно, до-

веряют только «сильным» связям в своем окружении. Они не верят в «силу» слабых связей, в действительную помощь соседей, коллег по работе, в необходимость и важность создания и функционирования развитой системы гражданских ассоциаций в той степени, как верят в это респонденты, считающие, что «доверять можно большинству знакомых или всем без исключения».

Уровень доверия, сформировавшийся в социально-сетевом взаимодействии, представляется возможным оценить с помощью показателей, из которых складывается целостная характеристика исследуемого феномена, а также признаков включенности в социальные сети (доверие представителям различных профессий, институтам общественной жизни, радиус доверия). Социальные сети измеряются при помощи показателей, характеризующих включенность в социальное взаимодействие, участие в общественных организациях, в различных социальных интернет-сетях.

Полученные результаты опроса общественного мнения² дают нам представление об уровне доверия в социальном взаимодействии респондентов, а также о сформировавшихся кругах доверия.

В данной работе проводится оценка сложившегося типа связей в социальных сетях на основе сформировавшегося уровня доверия. В оценке уровня доверия индикатором различий служат ответы респондентов на вопрос «Кому Вы можете доверять?». На основании полученных

² Опрос проводится по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов, половозрастной структурой населения. Всего опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Опрос проводился в апреле 2016 года.

результатов мы можем условно выделить три группы респондентов (табл. 1). При этом в связи с тем, что доля ответов «доверять всем людям без исключения» мала и составила лишь 2%, что не превышает ошибки выборки, для дальнейшего анализа эта группа была объединена с респондентами, считающими, что «большинству знакомых людей можно доверять».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Область, %
В наше время никому нельзя доверять	25,5
Только самым близким друзьям и родственникам	61,1
Большинству знакомых людей можно доверять, доверять можно всем людям без исключения	13,4

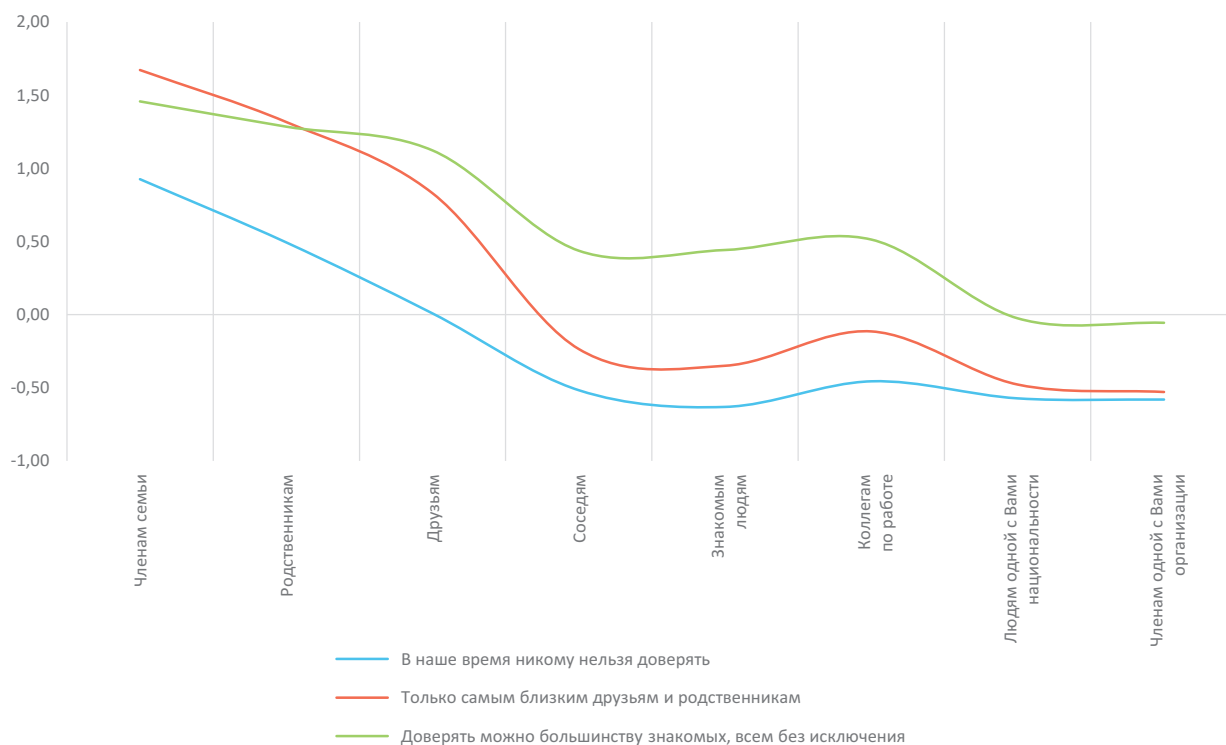
По уровню доверия для удобства дальнейшего анализа мы условно обозначим выделенные группы как «не доверяющие», «доверяющие избирательно», «доверяющие». Респонденты, выбравшие позицию «в наше время никому нельзя доверять» (доверяющие) представляют собой группу населения, ориентированную исключительно на «сильные» связи в сетевом взаимодействии. Доля не доверяющих в общей выборке составила 26%. Радиус доверия этой группы можно определить как малый. Вторую группу составляют вологжане, выбравшие альтернативу «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам» и обозначенные нами как доверяющие избирательно (61% опрошенных). Данная группа обладает радиусом доверия, который мы определяем как ограниченный, несмотря на то, что он, безусловно, шире, чем в первом случае. Входящие в состав группы респонденты также в большей степени ориентированы на «сильные» связи в сети. Круг «близких друзей и родственников» – это круг людей, с которыми поддерживаются прочные личные контакты в течение продолжительно-

го времени. Третью группу составляют люди, открытые «слабым» связям. Сюда мы отнесли тех, кто выбрал альтернативы «большинству знакомых людей можно доверять» и «доверять можно всем без исключения» (доверяющие, 13% от числа опрошенных). Фактически это каждый десятый респондент. Ориентация на слабые связи делает радиус доверия указанной группы расширенным. На наш взгляд, это именно та часть населения регионального социума, которая может стать основой активного гражданского общества, способного взять на себя долю ответственности за происходящее, за выбор необходимого для региона вектора развития.

Для сравнительного анализа ответов респондентов использовался метод индексирования³. Рассчитанный индекс доверия позволяет дать сравнительную оценку сформировавшемуся уровню доверия среди респондентов, выбравших различные альтернативы для выражения своей позиции, и увидеть «сильные» и «слабые» связи в их контактах (рис. 1). В группе не доверяющих положительный значимый (от 0,5) для анализа индекс доверия наблюдается по отношению к категориям «члены семьи», «родственники».

При выборе альтернативы «родственники» индекс показывает значительное снижение, а на категории «друзья» опускается до нулевой отметки. Респонденты в группе доверяющих избирательно также больше всех доверяют членам семьи. Здесь индекс доверия показывает наивысший уровень. Готовность взаимо-

³ Индекс доверия рассчитывается как разница взвешенных положительных и отрицательных альтернатив. Пределы колебаний индекса от -2 до 2, где 2 соответствует альтернативе «да» (доверяю), 1 – «скорее да, чем нет», -1 – «скорее нет, чем да», -2 – «нет». Положительное значение свидетельствует о преобладании доверия, отрицательное – о недоверии. Значимыми считаются значения больше 0,5 и меньше -0,5.

Рис. 1. Результаты ответов (в пересчете на средневзвешенные) на вопрос «Кому Вы можете доверять?» в сопряжении с вопросом «Насколько Вы доверяете или не доверяете ... ?» (графики построены на основе значений индекса доверия; среди респондентов – представителей выделенных трех групп)

действовать на основе доверия с другими родственниками и друзьями имеет тенденцию к снижению, с альтернативы «соседи» индекс приобретает отрицательное значение. Данная группа тоже демонстрирует преимущественную ориентацию на «сильные» связи. В кругах «слабых» связей доверие значительно ослабевает.

Для группы доверяющих значимыми представляются как «сильные», так и «слабые» связи. Согласно полученным данным, к «слабым» связям относится социальное взаимодействие с соседями, знакомыми людьми, коллегами по работе. Индекс доверия этой группы находится в основном в зоне положительного значения.

Анализируя выборы трех исследуемых групп (с разным радиусом доверия), к «сильным» связям относим социальное сетевое взаимодействие с членами семьи и родственниками, друзьями. Хотя следует сделать определенную оговорку от-

носительно альтернативы «друзья», поскольку данная категория не может быть однозначно отнесена только к «сильным» связям, так как в представлении респондента может означать и более слабые отношения. При дальнейшем исследовании проблемы доверия в сетевом взаимодействии, на наш взгляд, данную альтернативу имело бы смысл разделить на друзей «близких» и «друзей вообще», в более широком понимании этого слова. На данный момент традиция подобного различения в исследовательской практике не сформирована. Таким образом, полученные результаты говорят о преобладании сильных связей в сообществе, представленном в регионе.

Сильные связи означают преимущественное преобладание сетей так называемого «естественного» типа. В трактовке Л.В. Колпиной «естественные» социальные сети (связи) те, что «не требуют от человека

специальных усилий и ресурсов для их организации и воспроизводства» [11]. В большинстве своем это сети, организованные на основе родственных, дружеских связей, но они едва ли могут служить для участников потенциалом развития сложившихся отношений. Развитию будут способствовать сети, которые можно обозначить как «целенаправленные» [11], ориентированные на достижение определенной значимой цели и формирующиеся в кругах общения, отличных от родственных: профессиональные, религиозно-общинные, соседские, бизнес-сети и т. п. К их созданию людям необходимо прилагать определенные усилия.

Результаты нашего исследования говорят о том, что в группе респондентов, доверяющих избирательно (наиболее многочисленная группа среди опрошенных), помимо вологжан, ориентирован-

ных только на «естественные» социальные связи, есть доля, которую мы условно назовем «резервом» для расширения и развития структур социальных сетей, формирования «целенаправленных» социальных взаимодействий. Выявить ее можно при использовании в вопросе гипотетической ситуации «К кому Вы обратитесь в случае тяжелой жизненной ситуации?». Респонденты с малым радиусом доверия демонстрируют готовность обратиться за помощью к достаточно широкому кругу контактов, относящихся к «слабым» связям (рис. 2). Но в реально возникающих проблемных ситуациях «набор помощников», к которым респонденты обращались за последний год, намного меньше. Первую позицию занимают «работники социальных служб», вторую – альтернатива «ни к кому, полагаюсь только на себя», третью – госор-

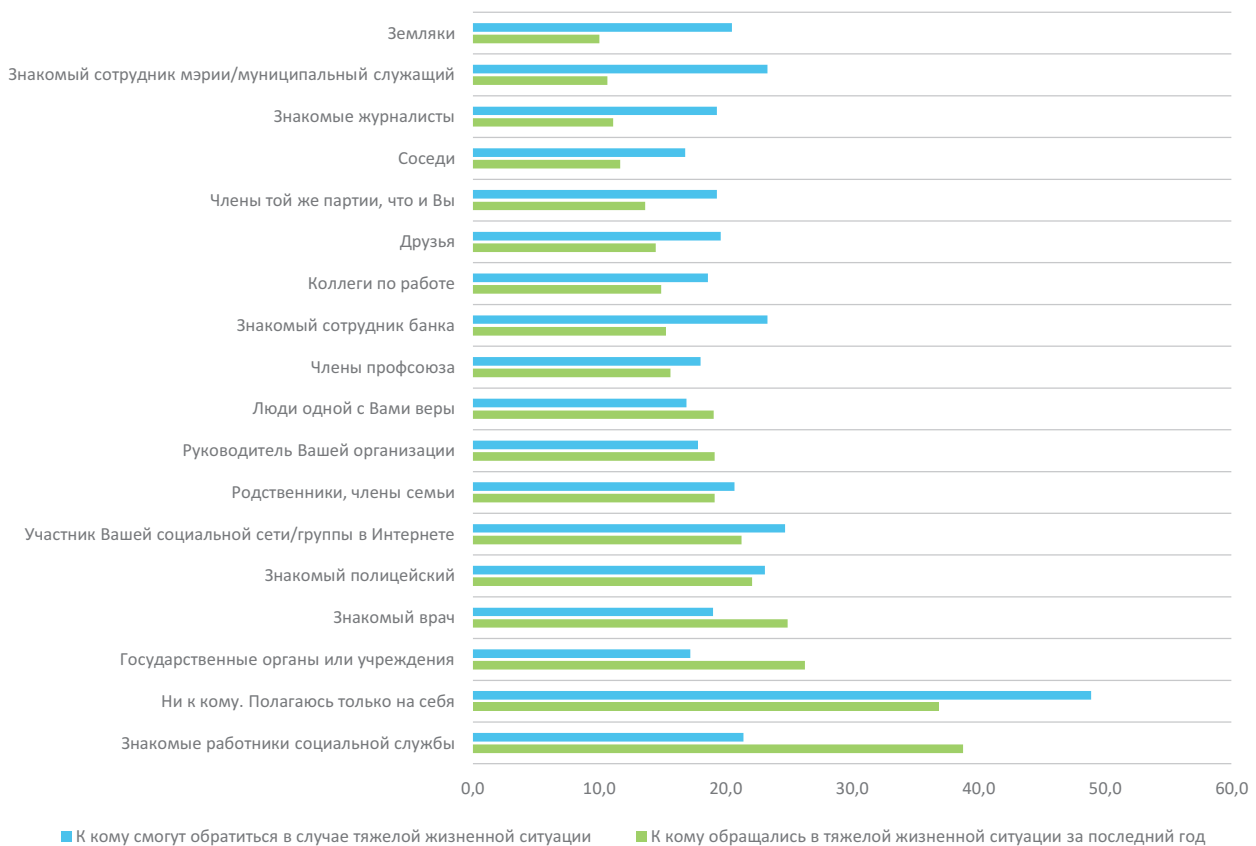

Рис. 2. «К кому Вы обратитесь за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации?», «Обращались ли Вы за последний год за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации? Если да, то к кому?» (данные приведены в % от числа опрошенных; среди респондентов, считающих, что «в наше время никому нельзя доверять»)

ганы. Родственники находятся лишь на седьмом месте в данном рейтинге. Группа не доверяющих во многом сознательно ограничивает свой круг доверия, очерчивая малый его радиус.

Вологжане, доверяющие избирательно, при возникновении гипотетической проблемной ситуации готовы довериться достаточно широкому кругу знакомых и незнакомых людей (рис. 3), что говорит о возможности расширения радиуса доверия этой группы. В реально же возникшей тяжелой жизненной обстановке «картина» несколько иная.

Здесь мы видим первые подтверждения нашего вывода о том, что некоторая доля вологжан во второй исследуемой группе является резервом для открытых, целенаправленных сетей, служащих потенциалом развития для своих участни-

ков. При определенных условиях они могут изменить свое мнение на точку зрения «доверять можно большинству знакомых или всем без исключения», что приведет к расширению их радиуса доверия. В пользу данной точки зрения говорит уже тот факт, что позиция «ни к кому, полагаюсь только на себя» здесь оказалась на 9 месте. Более высокие ранги наряду с альтернативами «друзья», «родственники, члены семьи» получили также «соседи», «коллеги по работе» и др.

То есть вологжане, доверяющие избирательно, демонстрируют тем самым склонность при определенных условиях к расширению имеющегося радиуса доверия, к открытости, к новым связям.

Участники социальных отношений, ориентированные на широкий круг взаимодействия, чаще обращаются к знако-

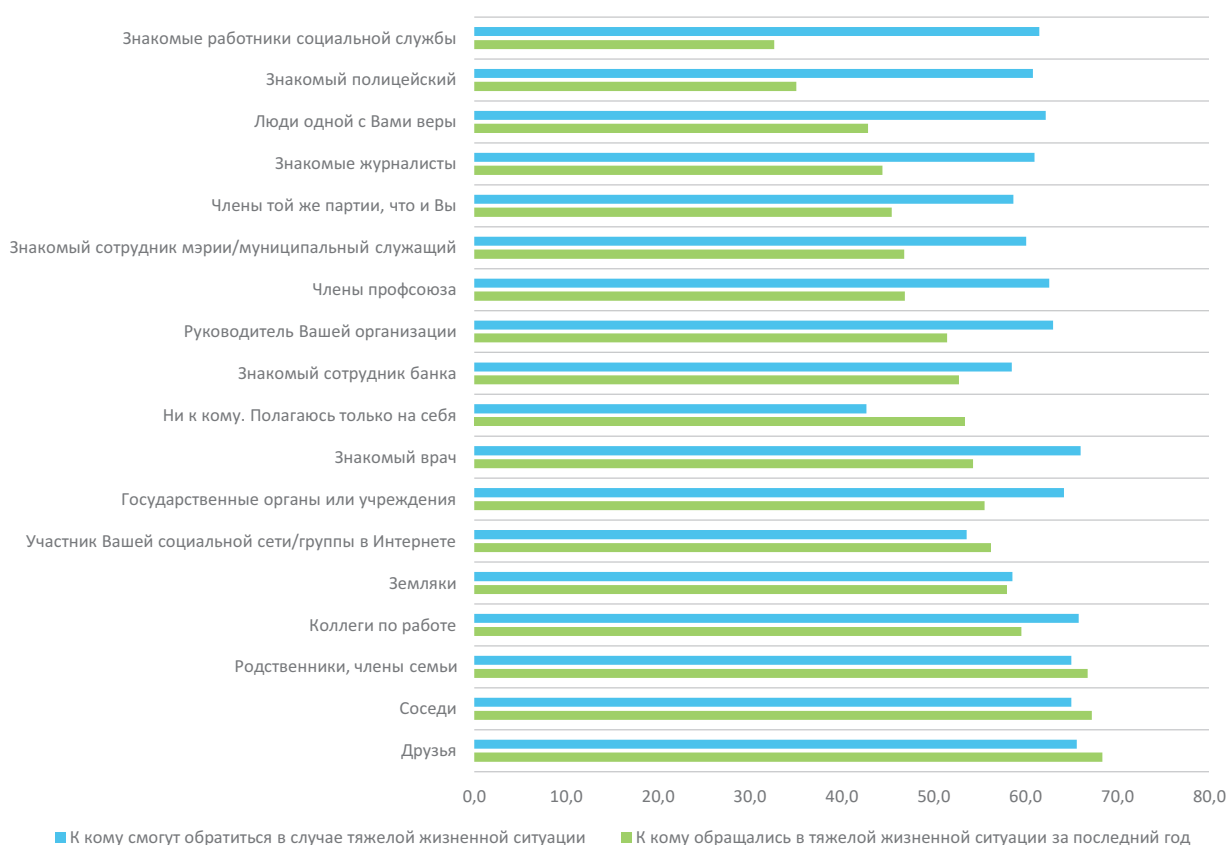

Рис. 3. «К кому Вы обратитесь за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации?», «Обращались ли Вы за последний год за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации? Если да, то к кому?» (данные приведены в % от числа опрошенных; среди респондентов, «доверяющих только самым близким друзьям и родственникам»)

мым, знакомым знакомых, служащим разных структур и т. д. (рис. 4).

В тяжелой жизненной ситуации респонденты, ориентированные на «слабые» связи, доверяют решение своих проблем знакомым журналистам, полицейским, муниципальным служащим, членам поддерживаемой ими партии, членам профсоюза, знакомым сотрудникам банка, коллегам, соседям и т. д., в то время как позиции «сильных связей», выраженные альтернативами «друзьям», «родственникам, членам семьи», оказываются на последних местах. Точку в списке ставит альтернатива «ни к кому...». Это значит, что решение некоторого ряда возникающих проблем к вологжанам с широким радиусом доверия может прийти несколько быстрее, ведь обратиться за помощью в случае необходимости они могут к большему кругу людей. Пример

подобной ситуации описывал в своей работе М. Грановеттер: воспользовавшись помощью «слабых» связей, человек гораздо быстрее находит себе работу, нежели в ситуации, когда он рассчитывает только на помощь близких и родных. В этом, по мнению исследователя, и выражается сила «слабых» связей [6].

Демонстрируемый респондентами уровень доверия находится в некоторой связи с их социальным положением. Можно наблюдать определенные различия в социально-демографических характеристиках, а также в типе самоидентификации. Среди тех респондентов, кто ориентирован на широкие границы социальных сетей, меньше вологжан с фактическим уровнем дохода ниже 5 тыс. рублей и от 5 до 10 тысяч, чем в группах не доверяющих и доверяющих избирательно. В группе доверяющих наибольший процент респон-

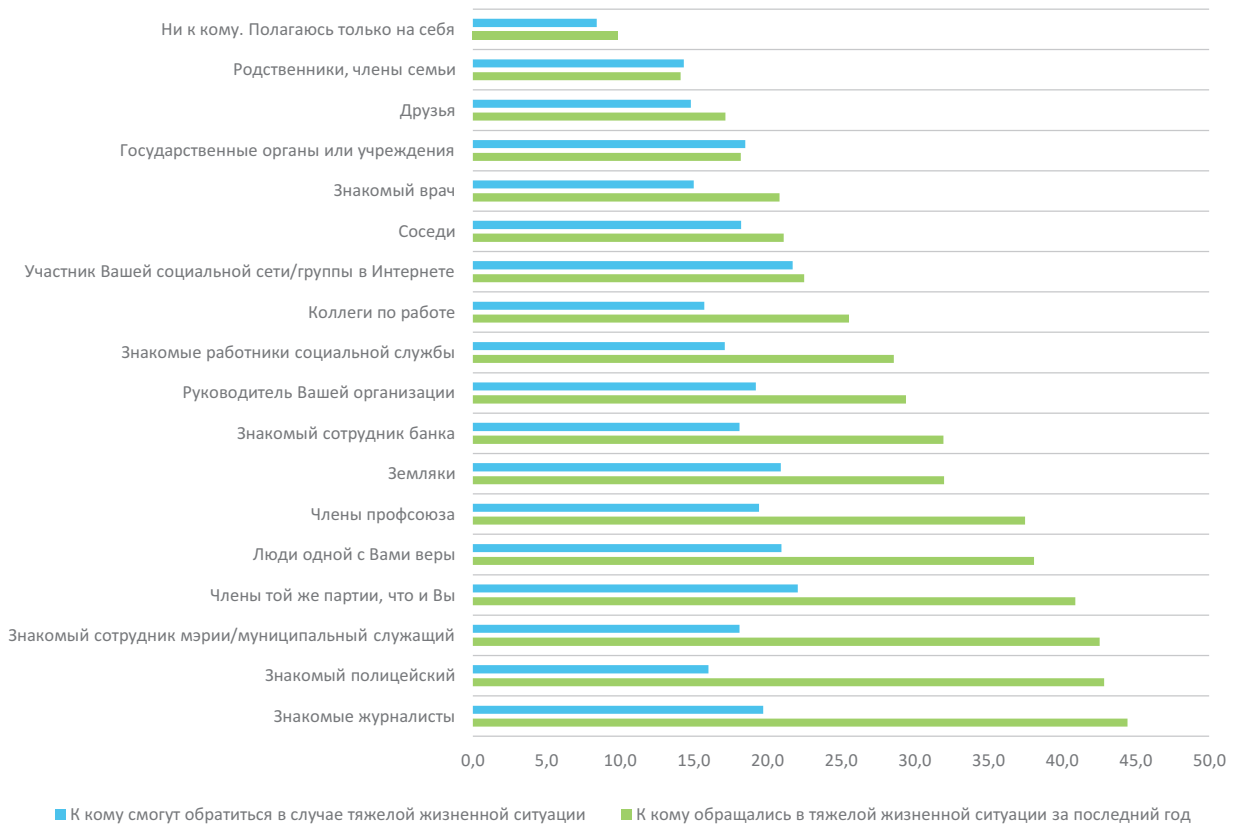

Рис. 4. «К кому Вы обратитесь за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации?», «Обращались ли Вы за последний год за помощью в какой-либо тяжелой жизненной ситуации? Если да, то к кому?» (данные приведены в % от числа опрошенных; среди респондентов, «доверяющих большинству или всем без исключения»)

дентов, имеющих среднедушевой доход от 10 тысяч рублей и выше, в то время как вологжан с доходом на одного человека от 5001 до 10000 рублей (рис. 5) можно отнести к категории с малым радиусом доверия. Фактически душевой доход в среднем выше там, где работающие члены семьи имеют более широкие круги доверия.

Вполне возможно, что данный факт служит подтверждением точки зрения о возможной конвертации социального капитала в другие его виды, в частности в материальный [4; 16]. Взаимосвязь материального положения и радиуса доверия подтверждается в определенной мере и материальной самоидентификацией вологжан (рис. 6).

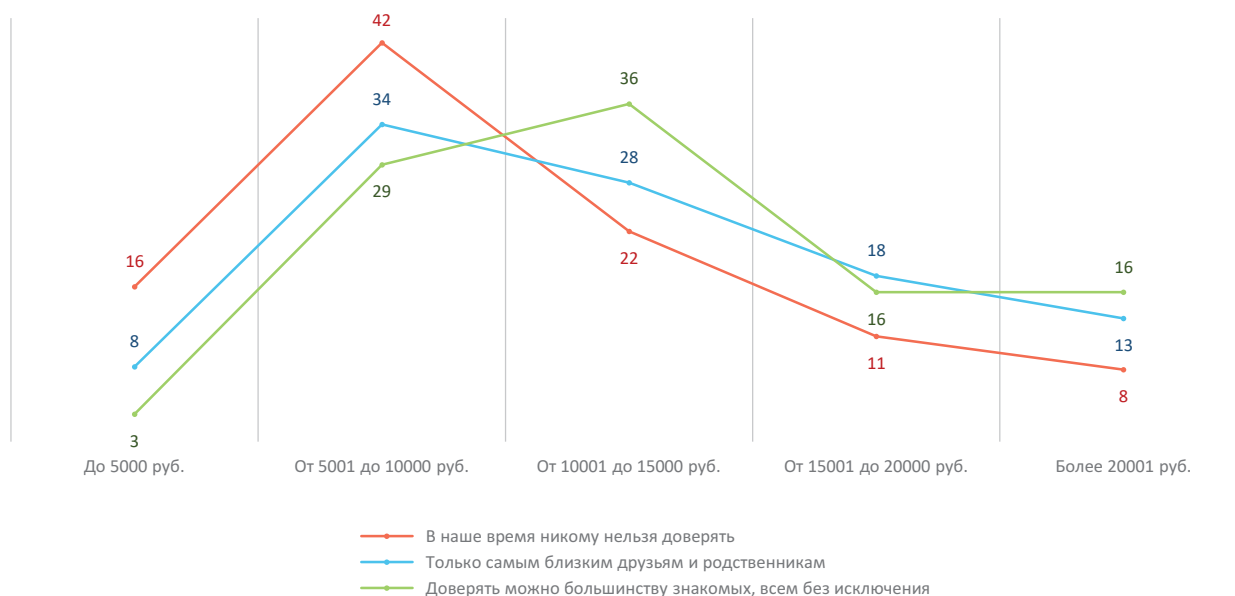

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?» в зависимости от ответа на вопрос «Каков был среднемесячный фактический доход на одного члена Вашей семьи за последний месяц?» (ответы респондентов объединены в кластеры), %

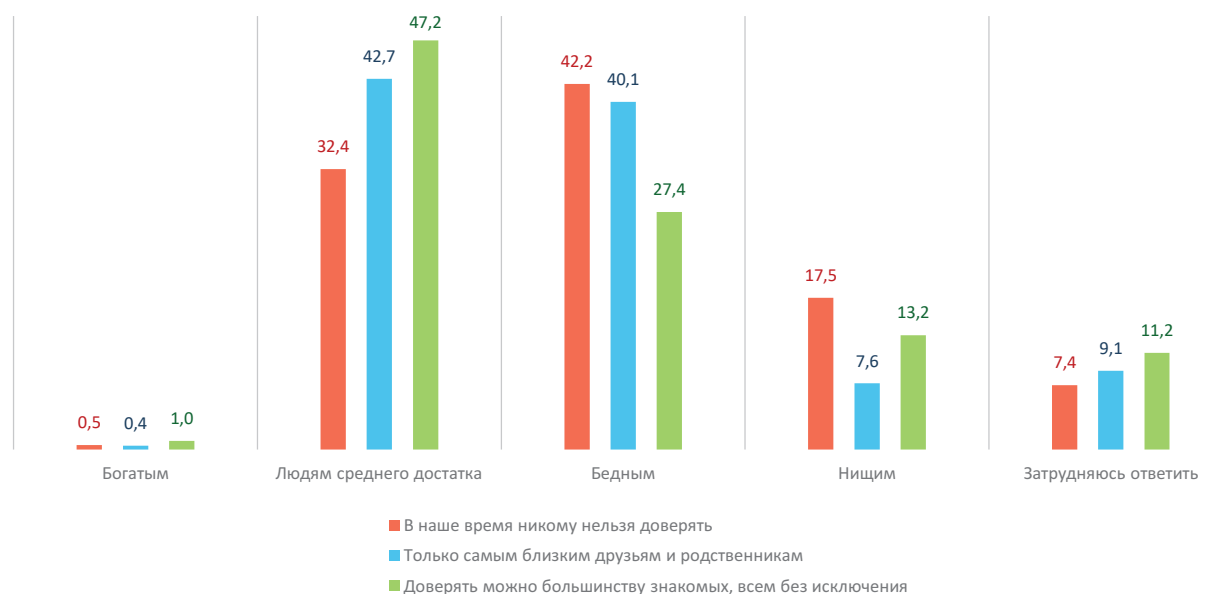

Рис. 6. «К какой категории Вы себя относите?»

(данные приведены в % от числа опрошенных, среди тех респондентов, кто считает, что «в наше время никому нельзя доверять», «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам», и тех, кто «доверяет большинству или всем»)

Среди тех, кто определяет себя как «люди среднего достатка», 47% доверяющих, 43% доверяющих избирательно и 32% не доверяющих. Доверяющих меньше в группе «бедных» – 27% против 42% доверяющих избирательно и 40% не доверяющих. Рост доли доверяющих в группе «нищих» объясняется их меньшей долей в общем числе респондентов. К группе «нищих» в большей части себя отнесли не доверяющие – 18%.

Аналогичную картину мы видим и в оценках населением своей покупательной способности (рис. 7). Здесь также наблюдается некоторое преобладание респондентов с расширенным радиусом доверия в материально благополучных группах.

Практическая убежденность в том, что «доверять можно большинству знакомых или всем без исключения», облегчает распространение информации и обмен ею, укрепляет доверие между партнерами.

Проведенное исследование зафиксировало наличие связи между субъективной оценкой эмоционального состояния и радиусом доверия. Две трети респон-

дентов, ориентированных на доверие в любом варианте его проявления, несмотря на достаточно сложную ситуацию как в стране, так и в регионе [9], заявляют о своем прекрасном или нормальном эмоциональном состоянии. Положительный настрой респондентов может говорить, в том числе, и об их открытости к общению, к переменам, о большей устойчивости в трудных жизненных ситуациях, способности к адаптации. Доверие большему кругу людей повышает позитивный фон настроения, и наоборот. Вместе эти характеристики могут служить одним из факторов большей успешности в делах, на работе, в семье. Также полученные данные позволяют нам еще раз увидеть потенциал группы доверяющих избирательно по расширению своего радиуса доверия.

Среди не доверяющих только половина заявила о нормальном или прекрасном настроении. Тем не менее, 28% из них находится в состоянии напряжения, что значительно превышает показатели других групп. Среди не доверяющих значительно

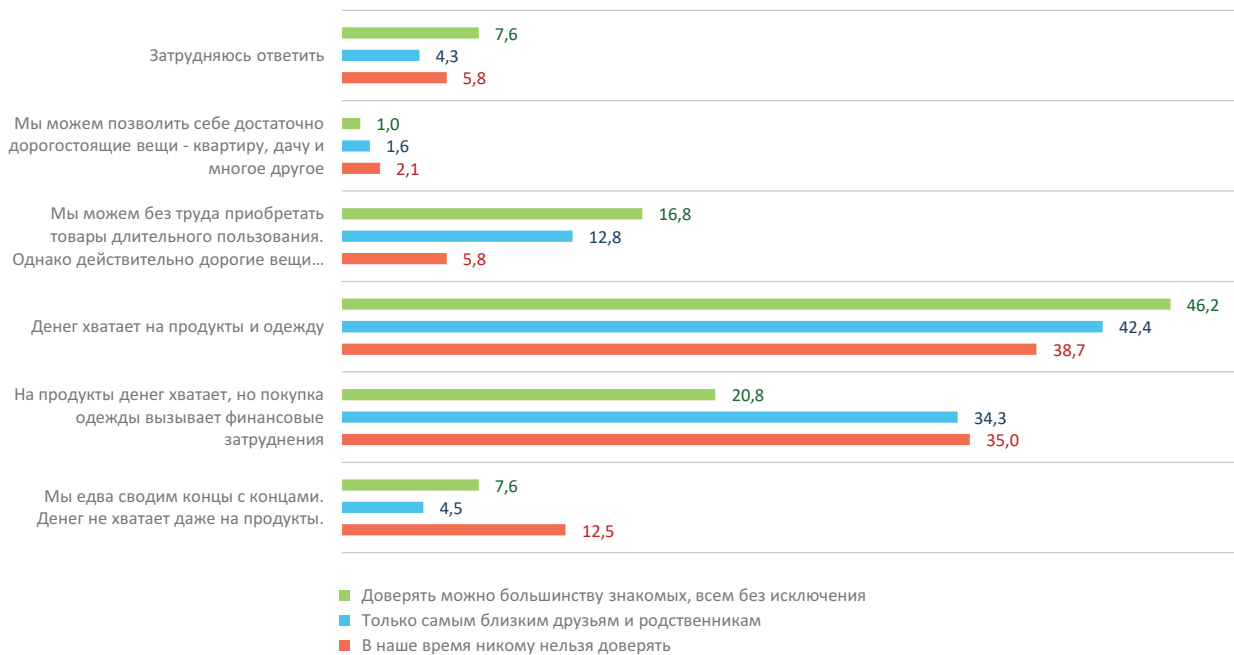

Рис. 7. «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы отнести свою семью?» (данные приведены в % от числа опрошенных, среди тех респондентов, кто считает, что «в наше время никому нельзя доверять», «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам», и тех, кто «доверяет большинству или всем»)

больше тех, кто «испытывает страх и тоску», а также затруднившихся с выбором оценки своего настроения (рис. 8).

Расширение радиуса доверия, рост сетевых контактов во многом связаны с включением людей в общественную жизнь, с их участием в каких-либо коллективных целенаправленных действиях, акциях и пр. Приведенные ниже данные (рис. 9) демонстрируют установки респондентов (а также фактическое положение дел) с разным радиусом доверия на собственную активность в «завязывании» и поддержании отношений в рамках социальных сетей. Так, например, среди вологжан из категории доверяющих 45% составляют те, кто высказался за возможность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий. В группе не доверяющих тех, кто расположен к объединению, – 29%. Мнения представителей группы избирательно доверяющих близки к оценкам доверяющих вологжан. Обращает на себя внимание выбор доверяющими избирательно альтернативы «скорее к тем, кто не готов объединяться». Их доля значительно превысила соответствующие доли респондентов из групп доверяющих и не

доверяющих. Своим выбором эта группа подтвердила ограниченность радиуса доверия и ориентацию на «сильные связи».

Обращает на себя внимание при анализе распределения ответов респондентов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?» ситуация с альтернативой «затрудняюсь ответить». Ее выбор достаточно велик во всех группах и, безусловно, свидетельствует о том, что немалая доля респондентов не пожелала либо не смогла определиться в своем выборе. Тем не менее мы считаем, что за этим выбором стоит скрытая установка на отказ к объединению, что требует дальнейшего изучения данного феномена.

Формированию доверия в сетевом взаимодействии может способствовать участие в деятельности различных общественных организаций. Роль такого участия для формирования социального капитала общества велика. Как отмечает М.А. Молокова, именно общественные организации третьего сектора должны

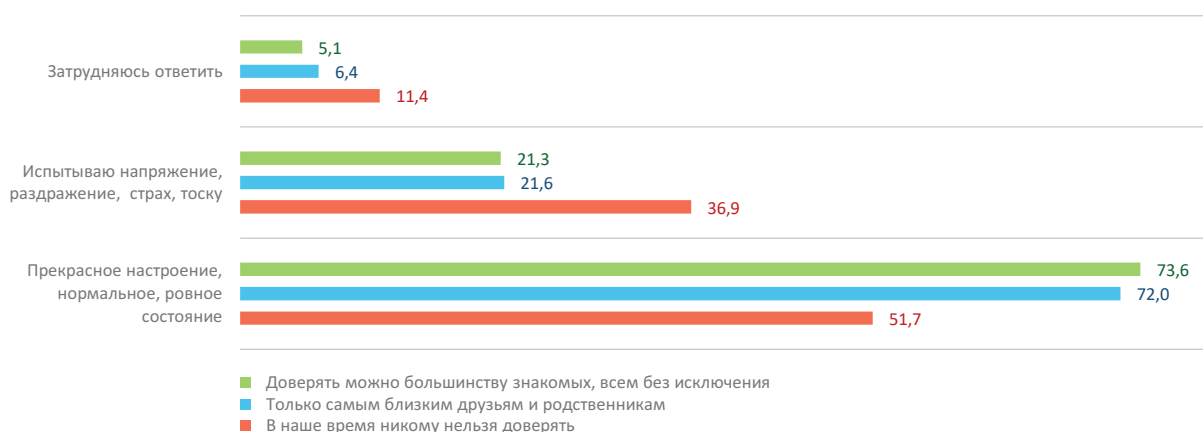
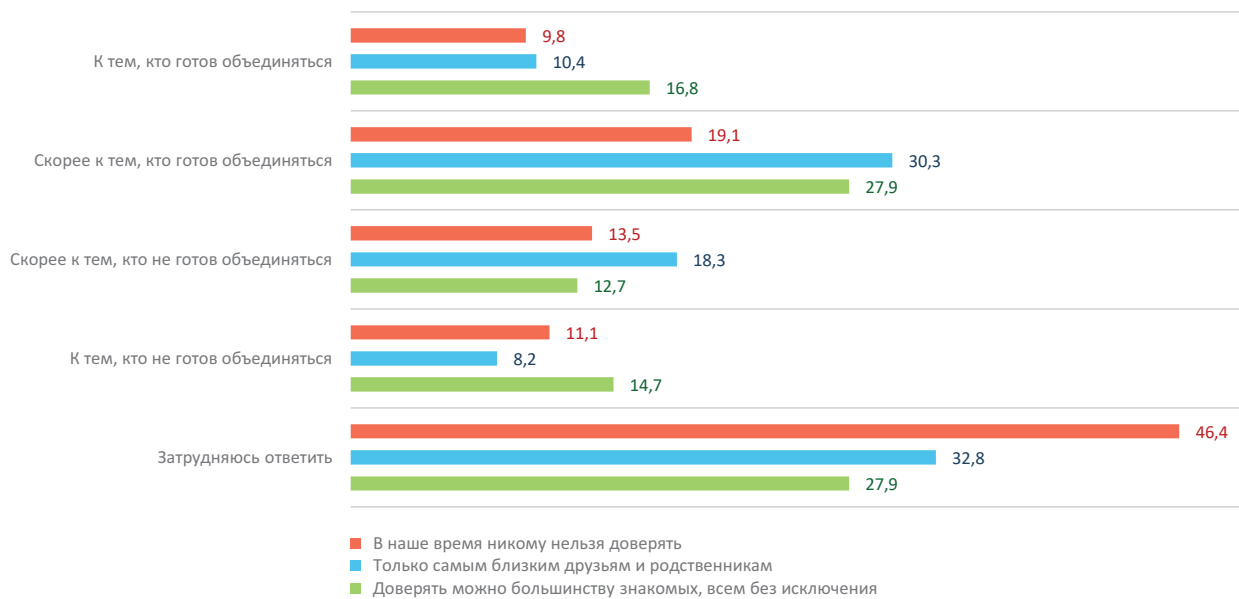

Рис. 8. «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?»

(данные приведены в % от числа опрошенных, среди тех респондентов, кто считает, что «в наше время никому нельзя доверять», «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам», и тех, кто «доверяет большинству или всем»)

Рис. 9. «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?»

(данные приведены в % от числа опрошенных, среди тех респондентов, кто считает, что «доверять никому нельзя или только самым близким», и тех, кто «доверяет большинству или всем»)

способствовать реализации естественно-го стремления людей к сотрудничеству [12], альтруистских устремлений и коллективного обустройства частной жизни, т. е. всего того, что способствует формированию гражданского общества. Однако на сегодняшний день одной из проблем российского общества является низкая активность его граждан. Вологодская область в этом отношении не выделяется на общем фоне. Отметим, что доля вологжан, участвующих в формальных общественных организациях, в целом невелика. Одна из причин такого положения дел состоит в низком уровне доверия и в отсутствии интереса к общественной деятельности. Анализ результатов опроса общественного мнения позволил выявить некоторую связь радиуса доверия с общественной активностью населения (табл. 2).

Данные, приведенные в таблице 2, демонстрируют более активное участие в организованных объединениях тех респондентов, кто выражает ту или иную

степень доверия к окружающим. Среди доверяющих 15% являются членами профсоюзов, 5% состоят в благотворительных организациях, 4% – в молодежных, 3% – в организациях с идеологической направленностью, к которым мы относим политические и религиозные. В этой же группе отмечается наименьшее количество респондентов, выбравших альтернативу «нигде не участвую». Чем меньше уровень доверия, тем ограниченнее включенность в деятельность различных организаций. В группе не доверяющих 90% респондентов не участвуют ни в каких видах деятельности.

Еще одна характеристика общественной активности, выявленная в ходе исследования, – участие респондентов в деятельности организаций, направленных на удовлетворение личных интересов: профсоюзы, физкультурно-оздоровительные организации. Очень ограниченно востребованы организации, ориентированные на общественные интересы, такие как экологические или историко-

Таблица 2. «В каких официально зарегистрированных общественных организациях Вы участвуете?»
(данные приведены в % от числа опрошенных; в сопряжении с результатами ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»)

	Профсоюз на предприятии/ в организации	Ветеранская	Благотворительная	Женская	Молодежная	Студенческая	Политическая	Экологическая	Землячество	Религиозная	Творческая	Историко-культурной направленности	Физкультуры, спорта и ЗОЖ	Нигде не участвую
В наше время никому нельзя доверять	5,1	0,8	0,8	1,1	0,5	0,3	0,0	0,5	0,3	0,5	0,8	0,0	1,3	90,1
Только самым близким друзьям и родственникам	11,6	2,1	2,3	0,4	1,1	1,2	0,9	0,6	0,4	0,8	1,2	0,6	3,7	78,2
Доверять можно большинству знакомых, всем без исключения	14,8	2,6	5,1	0,5	3,6	1,0	2,6	0,0	1,0	3,1	2,0	1,0	4,1	72,4

культурные. Некоторое исключение составляют благотворительные организации. На наш взгляд, причин низкой активности граждан несколько. Среди них можно назвать как низкую результативность деятельности НКО, так и значительные формальные ограничения в их деятельности. Слаба пропаганда привлекательности такого вида деятельности в СМИ, где доля информации о позитивном и одобряемом опыте участия в общественной жизни в целом невелика. В то же время в российском обществе сильна ориентация на индивидуализм, потребительство. Сказывается апатия населения, порожденная низким уровнем жизни. Около 20 млн человек в России (13% населения страны⁴) имеют доходы ниже прожиточного минимума. В области доля такого населения превышает общероссийский уровень и составляет 14%⁵.

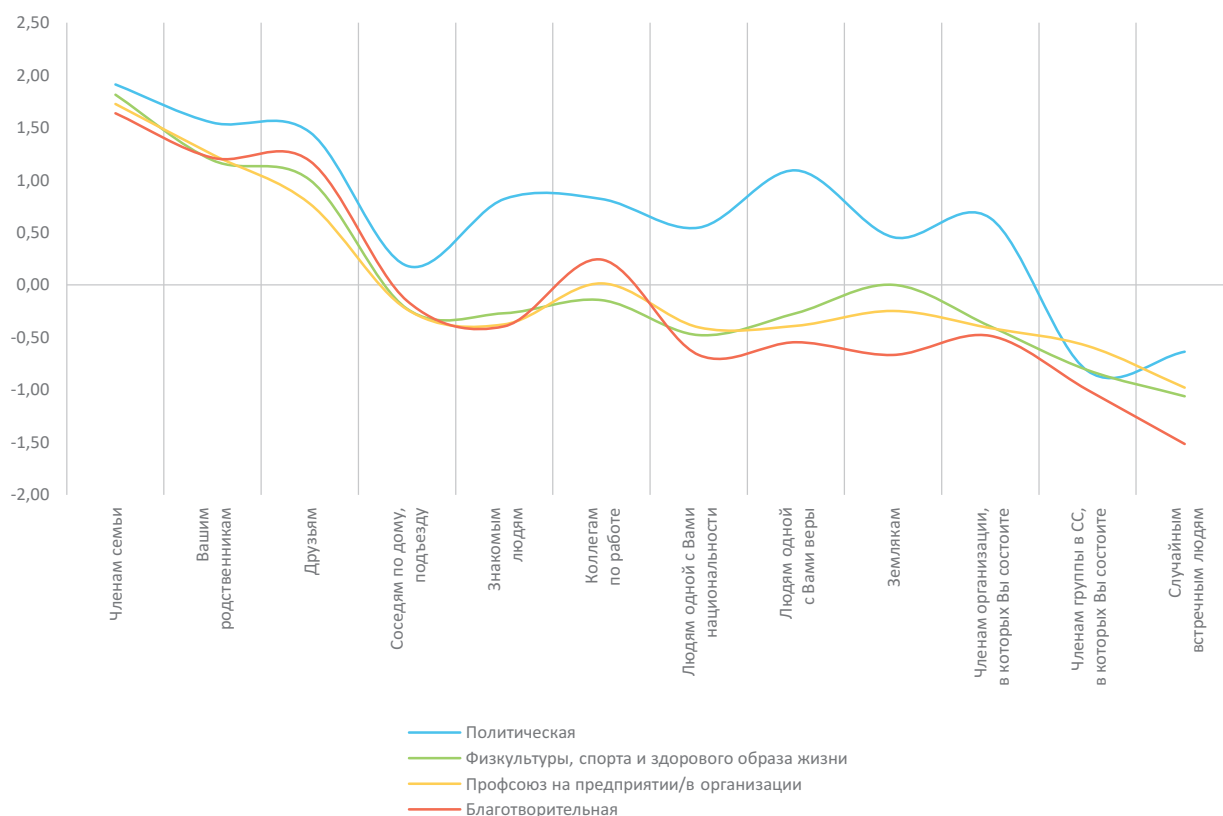
На этом фоне возникает вопрос, существуют ли перспективы для развития сетевого взаимодействия, каков потенциал для расширения радиуса доверия и укрепления социального капитала регионального сообщества. Для ответа на

него необходимо оценить степень ориентированности членов формальных общественных организаций на расширение социальных сетей, усложнение и развитие их качественных характеристик.

Рассчитанный нами индекс доверия позволяет понять, как влияет установка на доверие на общественную активность населения (рис. 10). У участников всех общественных организаций сформировались положительные значения индекса по отношению к ближнему кругу, образованному кровными связями и дополненному «друзьями». При переходе к альтернативе «соседи по дому» индекс приобретает отрицательные значения у всех участников общественных структур, кроме тех, кто ориентирован на политическую деятельность. Только у респондентов – членов политических организаций индекс доверия практически полностью находится в зоне положительных значений. Включенность в данный вид деятельности в полной мере ориентирует индивида на понимание его социальной роли, на расширение контактов, а тем самым на рост уровня доверия. Участие в деятельности общественных организаций даст людям возможность не только самореализации, но и решения многих насущных проблем. Повышение гражданской активности может способствовать мобилизации со-

⁴ Росстат [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа : <http://www.gks.ru/wps>

⁵ Вологдаоблстат [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа : <http://volgdatastat.gks.ru>

Рис. 10. «В каких официально зарегистрированных общественных организациях Вы участвуете?» в зависимости от ответов на вопрос анкеты «Насколько Вы доверяете или не доверяете ...» (графики построены на основе значений индекса доверия; среди респондентов – представителей выделенных трех групп)

циально-инновационных сил общества. Большую роль, на наш взгляд, здесь могут сыграть те 13% населения области, которые ориентированы на «слабые связи», или, иными словами, на взаимодействие с другими людьми.

Диагностика состояния социального капитала регионального социума свидетельствует о достаточно низком уровне доверия, об ориентации на «сильные связи», что в совокупности позволяет говорить о преобладании ограниченного социального капитала, формирующегося в сложных экономических условиях и ориентированного на стратегию выживания, но не развития. Низкий уровень доверия всем, кто находится за пределами узкого круга родных и близких, друзей, также может быть индикатором кризисного состояния социальных связей в региональном сообществе. Практически сформировалась ситуация, когда индивиды не только

не готовы к сотрудничеству, находятся в ситуации ожидания негативного поведения в свой адрес, но и сами осуществляют подобное поведение, как бы упреждая ситуацию, создавая иллюзию защиты себя и близких. Подобная ситуация крайне негативна в плане своего социализирующего воздействия. Наличие в сообществе ограничивающего социального капитала не способствует преодолению кризисной ситуации, укреплению социальных контактов, ведет к усилению культуры недоверия. Еще одно следствие низкого уровня доверия – низкая вовлеченность респондентов в деятельность структур гражданского общества. Тем не менее, анализ данных свидетельствует и о наличии индикаторов «открытого» социального капитала. Его носителем является примерно каждый пятый вологжанин. Ориентация на данную категорию населения позволит в определенной степени пре-

одолеть негативные последствия кризисной ситуации. В значительной мере решению проблемы может способствовать изменение внутривластной ситуации в стране. Стабильность в сохранении рабочих мест, снижение инфляции, повышение доступности жилья, медицинских и образовательных услуг могут в определенной мере переломить ситуацию, изменить настроения людей. Без ощутимого для населения изменения ситуации ожи-

дать повышения уровня доверия достаточно сложно. Это имеет особое значение в условиях кризисной ситуации, которая существенно влияет, как показывают исследования [7; 21; 22], на социально-экономическое положение и политические настроения населения и региона, и страны в целом. Однако негативный опыт требует осмысления не только на уровне отдельного индивида или его близкого окружения, но и на уровне государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, Ю. В. Социальные сети: контекст применения в социологии среднего уровня [Электронный ресурс] / Ю. В. Бондаренко // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 97–101.
2. Бондарь, Е. А. Социальный капитал в западном социокультурном контексте [Электронный ресурс] / Е. А. Бондарь // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 18–21.
3. Брун, О. Е. Развитие теории социальной сети [Электронный ресурс] / О. Е. Брун // Вестник МГИМО. – 2011. – № 1. – С. 236–241. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru>
4. Бурдые, П. Формы капитала [Электронный ресурс] / П. Бурдые // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–75. – Режим доступа : https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/annot.html#doc_26593677
5. Вологдаоблстат [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа : http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/standards_of_life
6. Грановеттер, М. Сила слабых связей [Электронный ресурс] / М. Грановеттер ; пер. с англ. З. В. Котельникова // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 31–50. – Режим доступа : <https://ecsoc.hse.ru>
7. Гулин, К. А. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Запада России в условиях кризиса [Текст] / К. А. Гулин, И. Н. Дементьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 4. – С. 18–28.
8. Жуликов, С. Е. Современные подходы к анализу социальных сетей [Электронный ресурс] / С. Е. Жуликов, О. В. Жуликова // Гаудеамус. – 2012. – № 20. – С. 200–202. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru>
9. Ильин, В. А. Третья четырехлетка президента В.В. Путина: противоречивые итоги – закономерный результат [Текст] / В. А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 9–21.
10. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на западе. Антология [Текст] / М. Кастельс; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : «Academia», 1999. – С. 404–505.
11. Колпина, Л. В. Проблемы функционирования региональных социальных сетей [Электронный ресурс] / Л. В. Колпина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 138–150.
12. Молокова, М. А. Организации «Третьего сектора» как «Точки роста» потенциала гражданского общества в современной России [Электронный ресурс] / М. А. Молокова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 177–181.
13. Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса [Электронный ресурс] / К. Н. Обухов // Вестник УдмГУ. – 2008. – № 3-1. – С. 107–110.
14. Полищук, Е. А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии [Электронный ресурс] / Е. А. Полищук // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 5. – Вып. 1. – 2005. – С. 10–16.
15. Пригожин, И. Г. Сетевое общество [Электронный ресурс] / И. Г. Пригожин // Социс. – 2008. – № 1. – С. 82–88.
16. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Электронный ресурс] / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–16.

17. Рзаева, С. В. Социальная сеть как категория социологического анализа: теоретическое представление и подходы к изучению [Электронный ресурс] / С. В. Рзаева // Известия АлтГУ. – 2014. – № 2 (82). – С. 235–239.
18. Римский, В. Постиндустриальное общество и социальный капитал современной России [Электронный ресурс] / В. Римский // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 5. – Том 2. – С. 26–37.
19. Росстат [Электронный ресурс] : официальный сайт. – Режим доступа : <http://www.gks.ru/wps>
20. Роуз, Р. Достижение целей в квазисовременном обществе [Текст] / Э. Р. Роуз // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 23–38.
21. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
22. Хайкин, М. М. Социальный капитал и социальные сети [Электронный ресурс] / М. М. Хайкин, А. Б. Крутик // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2014. – № 1. – С. 85–92.
23. Шабунова, А. А. Гражданская активность на селе: возможности развития [Текст] / А. А. Шабунова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 3. – С. 7–17.
24. Шабунова, А. А. Доверие и общественное развитие в России [Текст] / А. А. Шабунова, Т. А. Гужавина, Т. П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2015. – № 2. – С. 7–19.
25. Штомпка, П. Доверие – основа общества [Текст] / П. Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М. : Логос, 2012. – 440 с.
26. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе [Электронный ресурс] / Е. В. Реутов, Л. В. Колпина, М. Н. Реутова, И. В. Бояринова // Социс. – 2011. – № 1. – С. 79–88.
27. Castells, M. Materials for an Exploratory Theory of Network Society [Text] / M. Castells // The British Journal of Sociology. – 2000. – № 51. – P. 5–14.
28. Emerson, R. M. Power-Dependence Relation [Text] / R. M. Emerson // American Sociological Review. – 1962. – № 27.
29. Iglehart, R. Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies [Text] / R. Iglehart. – New Jersey, 1997.
30. Putnam, R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community [Text] / R. D. Putnam. – N.Y. : Simon & Schuster, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гужавина Татьяна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Тел.: (8202) 55-79-23.

Силина Татьяна Александровна – инженер-исследователь лаборатории экономико-социологических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: common@vscc.ac.ru. Тел.: (8202) 55-79-23.

TRUST IN THE NETWORK COOPERATION

If we consider contemporary society as a network of interaction, it is important to understand what type of communications it generates. Analysis of network cooperation and the existing level of trust in networks allows us to determine the type of social capital predominant in a particular community. Scientists distinguish two main types of relations in networks – “strong” and “weak”. “Strong ties” contribute to the formation of a small radius of trust and a social capital of the closed type, while “weak ties” greatly expand the radius of trust, and to a greater extent correspond to the open type of social capital. The aim of our research is to study the situation in the network interactions in regional communities and in determining the dominant types of relationships, and to establish to what type of social capital they belong. Identifying the type of social capital is obtaining information about the resources of society, of what potential it has, on what it is possible to rely in its development. The data obtained in the study indicate a significant prevalence of “strong ties” in the regional society, which gives rise to a narrow radius of trust, and also serves as a sign of limited social capital that is formed in a challenging economic environment and focused on survival strategy in the conditions generated by the crisis. However, the presence of signs of open social capital gives grounds to make a conclusion concerning the possibilities of its development and expansion through the involvement of residents of the region in participation in the activities of various public institutions; this will promote not only trust but also the development of the region’s civil society structures.

Trust, social capital, network society, social networks, “weak” and “strong” ties.

REFERENCES

1. Bondarenko Yu. V. Sotsial'nye seti: kontekst primeneniya v sotsiologii srednego urovnya [Social Networks: Application Context in Average Level Sociology]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 4, pp. 97–101.
2. Bondar' E. A. Sotsial'nyi kapital v zapadnom sotsiokul'turnom kontekste [Social Capital in Western Social and Cultural Context]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2012, no. 1, pp. 18–21.
3. Brun O. E. Razvitie teorii sotsial'noi seti [The Development of the Theory of the Social Network]. *Vestnik MGIMO* [Vestnik MGIMO-University], 2011, no. 1, pp. 236–241. Available at: <http://cyberleninka.ru>
4. Burd'e P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–75. Available at: https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/annot.html#doc_26593677
5. *Vologdaobstat: ofitsial'nyi sait* [The Vologda Oblast: Official Website]. Available at: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/standards_of_life
6. Granovetter M. Sila slabykh svyazei [The Strength of Weak Ties]. Translated from English by Z. V. Kotel'nikov. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2009, vol. 10, no. 4, pp. 31–50. Available at: <https://ecsoc.hse.ru>
7. Gulin K. A., Dement'eva I. N. Ekonomicheskoe polozhenie i sotsial'noe samochuvstvie naseleniya regionov Severo-Zapada Rossii v usloviyakh krizisa [Economic Status and Social Well-Being of North-West Russia Regions' Population amid the Economic Crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no. 4, pp. 18–28.
8. Zhulikov S. E., Zhulikova O. V. Sovremennye podkhody k analizu sotsial'nykh setei [Modern Approaches to the Analysis of Social Networks]. *Gaudeamus* [Gaudeamus], 2012, no. 20, pp. 200–202. Available at: <http://cyberleninka.ru>
9. Il'in V. A. Tret'ya chetyrekhletka prezidenta V.V. Putina: protivorechivye itogi – zakonmernyi rezul'tat [President Vladimir Putin's Third Four-Year Term: Contradictory Outcomes – an Expected Result]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2016, no. 2, pp. 9–21.

10. Kastel's M. *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur. Novaya postindustrial'naya volna na zapade. Antologiya* [The Formation of the Society of Network Structures. New Postindustrial Wave in the West. Anthology]. Under the editorship of V. L. Inozemtsev. Moscow: «Academia», 1999. Pp. 404–505.
11. Kolpina L. V. Problemy funktsionirovaniya regional'nykh sotsial'nykh setei [Performance Issues of Regional social Networks]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 2016, no. 2, pp. 138–150.
12. Molokova M. A. Organizatsii «Tret'ego sektora» kak «Tochki rosta» potentsiala grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii [Organizations of “Third Sector” as “Growth Points” of Potential of Civil Society in Modern Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no. 6, pp. 177–181.
13. Obukhov K. N. Set' kak sotsial'naya struktura: model' setevoi kommunikatsii v teorii M. Kastel'sa [Network as the Social Structure: Model of Net Communication in Manuel Castell's Theory]. *Vestnik UdmGU* [Bulletin of Udmurt University], 2008, no. 3-1, pp. 107–110.
14. Polishchuk E. A. Sotsial'nyi kapital i ego rol' v ekonomicheskom razvitiu [Social Capital and its Role in Economic Development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of St. Petersburg State University], series 5, issue 1, 2005, pp. 10–16.
15. Prigozhin I. G. Setevoe obshchestvo [Network Society]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2008, no. 1, pp. 82–88.
16. Radaev V. V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [The Concept of Capital, Forms of Capitals and their Concentration]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern Times], 2003, no. 2, pp. 5–16.
17. Rzaeva S. V. Sotsial'naya set' kak kategoriya sotsiologicheskogo analiza: teoreticheskoe predstavlenie i podkhody k izucheniyu [Social Networks as a Category of Sociological Analysis: Approaches to the Study of Networks]. *Izvestiya AltGU* [The News of Altai State University], 2014, no. 2 (82), pp. 235–239.
18. Rimskii V. Postindustrial'noe obshchestvo i sotsial'nyi kapital sovremennoi Rossii [Postindustrial Society and Social Capital of Modern Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2009, no. 5, vol. 2, pp. 26–37.
19. *Rosstat: ofitsial'nyi sait* [Federal State Statistics Service: Official Website]. Available at: <http://www.gks.ru/wps>
20. Rouz R. Dostizhenie tselei v kvazisovremennom obshchestve [Achieving Goals in Quasimodern Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern Times], 2002, no. 3, pp. 23–38.
21. Fukuyama F. *Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. Social Virtues and Avenue to Prosperity]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», 2004. 730 p.
22. Khaikin M. M., Krutik A. B. Sotsial'nyi kapital i sotsial'nye seti [Social Capital and Social Networks]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and Management”], 2014, no. 1, pp. 85–92.
23. Shabunova A. A. Grazhdanskaya aktivnost' na sele: vozmozhnosti razvitiya [Social Activity in Rural Localities: Opportunities for Development]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2016, no. 3, pp. 7–17.
24. Shabunova A. A., Guzhavina T. A., Kozhina T. P. Doverie i obshchestvennoe razvitie v Rossii [Trust and Social Development in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2015, no. 2, pp. 7–19.
25. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust – Keystone of Society]. Translated from Polish by N. V. Morozova. Moscow: Logos, 2012. 440 p.
26. Effektivnost' sotsial'nykh setei v regional'nom soobshchestve [Elektronnyi resurs] / E. V. Reutov, L. V. Kolpina, M. N. Reutova, I. V. Boyarinova // *Sotsis*. – 2011. – № 1. – S. 79–88.
27. Castells M. Materials for an Exploratory Theory of Network Society. *The British Journal of Sociology*, 2000, no. 51, pp. 5–14.
28. Emerson R. M. Power-Dependence Relation. *American Sociological Review*, 1962, no. 27.
29. Iglehart R. *Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. New Jersey, 1997.
30. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guzhavina Tat'yana Anatol'evna – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Research Associate at the Department for the Standard of Living and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: tanja_gta@mail.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.

Silina Tat'yana Aleksandrovna – Research Engineer at the Laboratory for Economic and Sociological Research, Department for the Standard of Living and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: common@vscc.ac.ru. Phone: +7(8202) 55-79-23.